

УДК 821.163.41-32
ББК 84(4Серб)-44
Л 931

Любенович, Боян

Л 931 **Письма из Сербии / Боян Любенович; пер. с серб.
Михаила Сердюка; рис. Марины Петровой - Томск,
Гусеница, 2021. - 336 с., ил. -
ISBN 987-5-6046029-2-8**

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издателю. Любое копирование материалов данной книги полностью или частично без разрешения правообладателя запрещается.

© **Бојан Љубеновић, 2014**

© **Сердюк М.В., перевод на русский язык, 2021**

© **ИП Сердюк М.В., 2021**

ПОЧТАЛЬОН НЕ ВСЕГДА ЗВОНИТ ДВАЖДЫ

Когда мы желаем поближе познакомиться с какой-нибудь страной, мы прежде всего стремимся узнать не об особенностях её политики и экономики, а о привычках, обычаях и эмоциональных реакциях её народа... Ведь у людей, населяющих сопредельные или отдалённые страны, несмотря на индивидуальность каждого, определённо есть некие (как привлекательные, так и не очень) общие национальные черты – именно они и вызывают наш неподдельный интерес.

Поэтому юмористические зарисовки о немцах, французах, англичанах и прочих нациях издавна востребованы читателями всех стран мира и, можно сказать, даже стали самостоятельным жанром. И читатели, разумеется, вовсе не ожидают от авторов таких книг серьёзного научного подхода, а просто наслаждаются их сочным языком и тонким юмором.

Но книга сербского сатирика Бояна Любеновича выбивается из рамок такого легкомысленно-развлекательного творчества, притягивая читателя не только великолепным слогом, но и смелым образным осмыслением самых разных явлений из жизни своей страны и народа.

Написанная автором в 2014 году, книга состоит из ста с лишним «писем», которые непрерывно посылает своим родным некий неназванный иностранец, описывая свои впечатления от жизни в сегодняшней Сербии. В этих письмах обнаруживается взгляд человека здравомыслящего и остроумного, способного тонко подметить те или иные особенности вещей и явлений – над какими-то добродушно посмеяться, а иные и безжалостно высмеять. Искушённый российский читатель, помимо очень похожих событий новейшей истории России и Сербии, обязательно разглядит в этих письмах и знакомые особенности литературного почерка соотечественников: наблюдательность Чехова, язвительность Аверченко, грустную иронию Зощенко, обличительную резкость Ильфа и Петрова, негодующую горечь Салтыкова-Щедрина...

По мысли Андрея Платонова, литература рождается из наблюдения за людьми, а где же людей можно наблюдать лучше, как не в их письмах? Сам по себе эпистолярный роман в мировой литературе явление не новое и не редкое. Ценитель литературы отечественной вспомнит

«Бедных людей» Достоевского и «Письма русского путешественника» Карамзина, а любителю прозы зарубежной придут на ум «Страдания молодого Вертера» Гёте и «Персидские письма» Монтескьё. Да и в самой Сербии Боян Любенович первооткрывателем этого жанра не стал: например, ещё в XIX веке Лаза Лазаревич написал свою «Немку» в виде череды писем. Но свой вклад в практику эпистолярного романа Любеновичу внести удалось: все названные выше произведения необходимо читать строго от начала до конца, иначе разбивается логика и стройность повествования, а «Письма из Сербии» можно читать и в абсолютно произвольном порядке! В каждом письме рассматривается отдельная самостоятельная тема, а при таком подходе очерёдность происходящих с героем событий не так уж важна. Работая над переводом, я заметил, что «письма» строгой хронологии не подчиняются, но меня это лишь навело на мысль, что некто любопытный бегло просматривал стопку найденных писем и, прочитав, попросту небрежно собрал их обратно.

Книга будет интересна читателям независимо от степени их знакомства с Сербией и сербами: даже тем, для кого Балканы пока что «terra incognita», вряд ли что-то будет непонятно. Но признаюсь, что кое-где я намеренно избегал сносок и примечаний – в современных реалиях никому не составит большого труда найти нужную информацию.

Сто с лишним «писем» Бояна Любеновича создают реалистичный портрет братской славянской страны, написанный неповторимыми красками резкой сильной сатиры и доброго щедрого юмора. Книга эта не только покажет схожесть восприятия нашими народами современного мира, но и доставит российским читателям истинное удовольствие.

Почтальон всегда звонит дважды, утверждал когда-то Джеймс Кейн. Но сегодня «с толстой сумкой на ремне» к нам пришёл Боян Любенович. И, думаю, мне, долго терзать кнопку ему не придётся: почтальону, доставившему нам такие письма, мы откроем с первого звонка!

*Михаил Сердюк,
переводчик*

Боян Любенович

Письма из Сербии

Перевод с сербского Михаила Сердюка

Рисунки Марины Петровой

Томск - 2021

Прибытие

Дорогие мои,

Это первая неделя моего пребывания в Сербии. Если вы не знали, Сербия – это страна, которая когда-то находилась в составе Социалистической Федеративной Республики Югославии. Большой вопрос, где она находится теперь. Кто-то что-то говорит о Западных Балканах, кто-то – о Юго-Восточной Европе; одни убеждены, что она у самых дверей Европейского союза, другие – что в шаге от Востока. Некоторые сербы утверждают, что Сербия тянется до Токио, другие – что вся она не больше Белградского пашалыка. Географическая карта иностранцу вроде меня ничем не поможет.

Я пробовал узнать, с кем Сербия граничит, но не смог. Здесь это вообще очень щекотливый вопрос. Одного знакомого я неосторожно попросил показать мне на карте границу Сербии и Черногории, и едва ноги унёс. Тогда я уяснил, что сербы не признают большинства своих границ. Особенно опасно спрашивать их о границах с Косовом, Республикой Сербской, Македонией, Черногорией и Хорватией.

В составе Сербии есть две автономные области, но одна из них выглядит немного автономнее другой. Существует ещё нечто, что зовётся Небесной Сербией, но я пока не выведал, что это значит. Всё сводится к тому, что эта страна безгранична.

Ничуть не больше мне повезло и со столицей. В Википедии пишут, что главный город Сербии – Белград, но это кажется спорным. Ведь некоторые сербы утверждают, что это Вашингтон, другие – что Брюссель, а третьи – что Москва. Есть и

такие, кто считает столицей Гаагу или Баня-Луку. Я встречал и таких, которые клянутся, что это Чикаго. В самом деле удивительно.

Здесь ещё много вещей, которые меня смущают. Например, язык. Официально в Сербии говорят на сербском языке, но в действительности всё немного иначе. Создаётся впечатление, что сербы свой язык не любят и всячески стараются его позабыть.

Если не верите, приезжайте и увидите, что названия большинства ресторанов, кафешек и бутиков будут на английском. Телевизионные передачи – тоже. Молодёжь приветствует друг друга на итальянском, старики ссорятся на турецком, домохозяйки кое-как общаются на испанском, а все автомеханики говорят по-немецки. Политики ускоренно учат арабский и китайский.

Чем учёнее серб, тем меньше он говорит по-сербски. Учёность здесь доказывается иностранными словами. Пока серб мал, он сербским ещё пользуется. Но как только окончит начальную школу или, не дай Бог, факультет – вмиг порывается забыть сербские слова и начинает вместо них использовать иностранные. Вершины образования и учёности он достигает, когда из своего вокабуляра сербский язык полностью вытеснит – настолько, что и родная мать его больше не понимает. Я жду не дождусь выучить сербский – наверное, тогда мне многие вещи станут яснее. Между тем, некоторые опытные приятели называют меня оптимистом и говорят, что с сербами ещё никто общего языка не нашёл.

Ничуть не лучше обстоят дела и с письменностью. Сербской письменностью является кириллица, но большинство сербов пишет латиницей. Время от времени сербы начинают плакать и причитать, что их кириллица исчезает и вымирает. Такой шум до неба поднимают, что может показаться – её у них кто-то силой отнимает, а не сами они уничтожают её и забывают. Больше всего по кириллице причитают газеты,

выходящие на латинице, и охранители традиций, уснувшие на своём посту. Впрочем, здешние газеты выходят на обоих вариантах письменности, причём на обоих они одинаково неграмотны.

В сербском языке существует семь падежей. В Центральной Сербии используются все падежи, но как только человек двинется к югу страны – падежи один за другим начинают исчезать. Когда доберётся до самого юга, останутся только один или два.

В кириллице тридцать букв. Кто сможет все их выучить, обычно становится журналистом. Те, кто овладевает и грамматикой, становятся писателями.

Я заметил, что сербы не любят читать, но обожают писать. Поэтому здесь больше писателей, чем читателей. Серб, который в своей жизни не явил миру хотя бы одну книгу, и в придачу не получил литературную награду, считается обычным бездельником и ленивцем. А как иначе назвать человека, который не смог выделить несколько дней на то, чтобы стать знатным литератором? А кроме того, в Сербии официально числится свыше миллиона неграмотных, неофициально же их намного больше. Но это несущественно, ибо сербы всё равно лучше всего читают между строк.

Большинство сербов – христиане православной веры (кроме тех случаев, когда они – атеисты коммунистических верований). Они набожны и очень часто крестятся. Чаще всего – когда смотрят новости и когда входят в магазин самообслуживания. В церковь ходят регулярно – как только их кто-нибудь позовёт на венчание или крещение.

Богу молятся истово, особенно перед экзаменами и делая ставки у букмекера. Монастыри считают своим национальным достоянием и гордятся их красотой. Посещали они их последний раз в шестом классе средней школы на экскурсии, но всё равно. Новый год и Рождество они празднуют по юлианскому календарю, но ни за что не сумеют объяснить, почему.

Граждане Сербии одеваются по последней моде. Русские шапки, турецкие куртки, румынские трусы, китайская обувь – это сегодня сербская народная одежда. Особенно ценится униформа – нет серба, который не носил бы хоть какую-нибудь. Разведчики, почтальоны, полицейские, портье, администраторы, охотники, банкиры, стюардессы, священники – весь сербский народ облачается в форму и маскируется, никто больше не хочет походить на себя, все стремятся походить на всех.

В Сербии то и дело объявляют чрезвычайное положение. Но не волнуйтесь: чрезвычайное положение здесь – обычное явление. Сербы уже настолько привыкли к чрезвычайному положению, что скоро введут сирену для оповещения о переходе к нормальной жизни, если таковая вдруг неожиданно наступит.

Но всё это не так уж важно. Намного существенней то, что люди здесь веселы и к иностранцам любезны. Иногда мне кажется, что иностранцев они любят намного больше, чем своих соплеменников. Поэтому я намерен остаться здесь на некоторое время.

Буду вам постоянно писать.

Деньги

Дорогие мои,

Я попробую ещё в нескольких строках представить вам страну, в которой нахожусь уже две недели. Не знаю, знаете ли вы, но официальной денежной единицей Сербии является динар. Неофициально это евро, но большинство сербов до сих пор тоскует по немецкой марке. Это тяжело объяснить.

Динары – очень красивые банкноты. На них изображены портреты знаменитых сербов. Небольшая проблема заключается в нехватке знаменитых сербов – их явно меньше, чем Народный банк может напечатать новых банкнот. Поэтому здесь существует особая комиссия, которая выдумывает знаменитых сербов и хранит их в резерве на случай инфляции.

А в инфляции Сербия знает толк и имеет большой опыт. Два десятка лет назад она поставила мировой рекорд по инфляции, побить который вряд ли кто-то сможет. Шансы на это есть разве что у самой Сербии. Вообще, в Сербии много видов инфляции. Самые известные – это инфляция морали, знаний и слов...

Динары – самые защищённые банкноты в мире. Никому и в голову не придёт их подделывать, потому что они, пока выходят из типографии, уже настолько обесцениваются, что даже труд печатников не окупается.

Если вы меня спросите, сколько стоит динар, то я не сумею вам ответить. Некоторые экономисты утверждают, что он переоценён, другие говорят, что он стабилен, а третьи – что он головокружительно падает. Вроде как сегодня он на историческом

минимуме, но уже завтра история повторяется. Курс динара плавающий – наверное, поэтому динар так часто тонет. То, что я знаю наверняка – что за один динар ничего нельзя купить. Ну, разве что некоторые здешние государственные предприятия, но это уже другая история. Мелкая монета – сотая часть динара – называется «пара», но за неё и пяти пара никто не даст.

Сербы обожают менять динары на другую валюту. Поэтому здесь больше обменников, чем где бы то ни было в мире. Как только получит зарплату, гражданин Сербии меняет динары на евро и идёт домой, уверенный, что хоть что-то сберёт. Через несколько дней он меняет евро на динары и тогда его лучше не трогать – он сам себя готов избить.

Сербы вообще очень чистоплотный народ, но особенно любят отмывать деньги: пожалуй, нет такого сербского предпринимателя, который бы некоторое их количество не отмыл. Известно, что сербские валютные резервы – одни из самых надёжных в мире. Ведь хранятся они в носках и матрасах, а такие сейфы ещё никто не взламывал.

Сербы всё меньше покупают, но даже если что и покупают, динары не используют. Покупают на «честь». Это такое специфическое платёжное средство, которое служит для отложенного платежа. Когда-то оно было у всех, а сегодня лишь у некоторых, потому что честь в этой стране быстро и не возвратно исчезает.

Вообще, в Сербии отложенный платёж развит до совершенства. В бакалеях, например, никто не расплачивается деньгами, а долг вписывается в тетрадку – до тех пор, пока тетрадка не превратится в книгу жалоб. Сербские бизнесмены тоже охотно используют отложенный платёж: примут вас на работу сегодня, а заплатят вам через шесть месяцев; товар возьмут сразу, но не заплатят никогда.

Но такое в Сербии не считается чем-то удивительным, потому что здесь каждый должен каждому. Сербская поговорка

гласит, что долг – злой друг, но сербы с ним дружат за неимением лучшего.

Ещё сербы покупают на «черту». Эта черта очень быстро превращается в минус, но сегодня все сербы в минусе¹.

Не пытайтесь понять, как это работает, потому что этого никто не понимает.

¹ Игра слов: «минусом» на Балканах, помимо понятного нам значения «в убытке», называют ещё и вид кредита, когда банк на короткий срок даёт деньги клиенту, не имеющему не только средств на личном счёте, но и подтверждённых источников дохода. «Открыть минус» – значит, взять такой кредит. В России такими «минусами» занимаются микрофинансовые организации. (Здесь и далее – примечание переводчика).

География

Дорогие мои,

Пишу вам, желая поделиться ещё кое-какими наблюдениями о Сербии, в которой нахожусь уже третью неделю. Я заметил, что сербы очень слабо знают географию. Здесь все как попугаи повторяют, что их страна имеет исключительно выгодное географическое положение, но больше они о географии не знают ничего.

Например, если спросить среднего гражданина этой страны, какая в Сербии самая большая горная вершина, он вам как из пушки выпалит: «Триглав²!». Когда вы ему скажете, что Триглав находится не в Сербии, он сперва подозрительно на вас посмотрит, а потом, почесав в затылке, признается, что понятия не имеет, какая гора в его стране самая высокая.

Похожая ситуация и с морем. Если вы спросите серба, куда он поедет в отпуск, он чаще всего ответит: «Поеду на наше море!». Если вы будете достаточно неосторожны обратить его внимание на то, что в его стране больше нет моря, он некоторое время будет считать вас дурачком, если не полным сумасшедшим. Средний серб никак не может себе признаться, что выхода к морю у Сербии больше нет. Ему неясно, как море за ночь могло потеряться, и как это возможно, что его дача вдруг оказалась за рубежом.

Реку Саву гражданин Сербии считает своей, а то обстоятельство, что исток у неё в Словении, а протекает она через

Хорватию, считает чистой случайностью, и даже чуть-чуть несправедливостью. С Дунаем, кстати, всё точно так же. Средний серб клянётся, что Морава – самая красивая река в мире, поёт о ней песни, тоскует по ней, но при этом бежит от неё сломя голову. Можете биться об заклад, что самые влюблённые в Мораву сербы живут в Белграде.

В Сербии повсюду множество лечебных источников, и с каждым годом их всё больше. Уже почти нет места, где бы не было такого источника. Когда где-то рвётся водопроводная труба, местные её больше и не крепят, а просто объявляют воду лечебной и открывают курорт. Водолечебниц здесь скоро будет больше, чем болезней. Сербы обожают ходить в бани, где пьют лечебную воду и мажутся грязью до беспамятства. А когда возвращаются по домам, делают всё, чтобы снова разболеться и поскорей опять пойти в баню.

Я заметил, что сербы и о сторонах света не имеют никакого понятия. Если попросите серба показать вам какую-нибудь сторону света, он подумает, что вы над ним подшучиваете. Тем не менее, осторожный и внимательный наблюдатель сможет заключить, что Восток сербы безразмерно любят, Западу завидуют, а над Югом насмеваются. К Северу же они относятся ностальгично, потому что там живут их дети и внуки. Может быть, именно поэтому сербы всегда последними узнают, откуда ветер дует.

Сербы думают, что они – центр мира, и что всё вертится вокруг них. Утверждают, что Сербия – перекрёсток всех путей, хотя я тех путей до сего дня не видел. Убеждены, что из Сербии вовсе не нужно куда-то ехать, чтобы мир посмотреть, потому что рано или поздно мир сам приедет посмотреть Сербию. Вместо географических карт они используют GPS-навигаторы и страшно нервничают, если заблудятся.

В общем, мне кажется, что компас сербы напрочь потеряли.

² Триглав – горная вершина в словенских Альпах, на границе с Австрией, является символом Словении, даже изображена на её флаге и гербе.

Население

Дорогие мои,

Сербия – это светское государство, в котором большинство населения составляют сербы. Сербы – это древний европейский народ, произошедший от южных славян или от югославов – это уж в зависимости от того, в какой переписи населения они участвовали.

В Сербии живут и другие народы, но сербы к ним относятся как к дорогим гостям, которые пришли, заболтались и никак не уходят.

Вы меня спрашиваете, сколько всего в мире сербов, и должен вам сказать – не знаю. Официально на нашей планете числится около восьми миллионов сербов, но я верю, что их намного больше. Я думаю, сербы нарочно скрывают свою подлинную численность, а есть ли в этом какой-то военный или стратегический смысл – тяжело судить.

Главное – я утверждаю, что сербов должно быть куда больше восьми миллионов, и этому своему утверждению привожу убедительные доказательства. Возьмите, к примеру, любой международный инцидент или проблему, даже локальную или мировую войну – и вы увидите, что ни одно из этих событий не может обойтись без участия сербов!

Если где бы то ни было в мире происходит крупное хищение, подтасовка на соревнованиях, ограбление десятилетия – можете биться об заклад, что в этом замешан какой-нибудь серб. В то же время, когда некий знаменитый мировой университет выбирает студента курса, обычно выбор падает на студента из Сербии.

Нет на свете такого футбольного или баскетбольного клуба, чтобы по меньшей мере у пары его игроков фамилии не заканчивались на «-ич». Нет такого командного спорта, в котором сербы не взяли бы медали. Нет такого фильма, чтобы в его титрах не промелькнуло какое-либо здешнее имя. Иранцев в мире, например, около восьмидесяти миллионов, но они даже приблизительно не представлены так, как сербы!

А ведь как только мир не пытался уменьшить число граждан Сербии! Их веками ассимилировали, стреляли и бомбили все, кто бы ни пришёл, но этот народ выглядит неуничтожимым!

Посетите, например, Вену, Цюрих, Берлин или Стокгольм, или приземлитесь в Нью-Йорке, Чикаго или Мельбурне – вы поймёте, что я совершенно прав, и что сербов намного больше, чем вы думали. Как только увидите двух типов, которые, словно кровники, с размаху бьют друг друга по плечам – знайте, что это сербы нашли друг друга в огромном мире.

В далёкой Японии какому-то сербу-футболисту воздвигли памятник, в Мадриде – та же история, а недавно памятник одному сербскому учёному поставили перед штаб-квартирой Объединённых Наций!³ Когда американцы раз в сто лет решают сменить какого-нибудь своего губернатора, он оказывается сербом!⁴

Сербы, находящиеся вне Сербии, когда-то назывались гастарбайтерами, а сегодня их называют «диаспора». В Сербии даже существует Министерство диаспоры, чья задача – напоминать сербам за рубежом о том, что они сербы. Не существует

³ В Японии поставлен памятник сербскому футболисту Драгану Стойковичу по прозвищу «Пикси» (бывшему игроку японского клуба «Нагоя Грампус»), а в Испании – Милинко Пантичу (игроку мадридского «Атлетико»). Перед зданием ООН поставлен памятник Николе Тесле.

⁴ Имеется в виду губернатор штата Иллинойс (2003-2009) Милорад «Род» Благоевич, отстранённый от должности по обвинению во взяточничестве.

на земном шаре места, где серб может скрыться от этого министерства – оно его везде найдёт и проверит, не забыл ли он кириллицу и ужицкое коло.

Всякая встреча серба из Сербии и серба из диаспоры очень эмоциональна. Сербьы из диаспоры плачут, что не живут в Сербии, а сербы из Сербии плачут, что не живут в диаспоре. Серб из диаспоры никогда не сможет в полной мере вернуть долг своей матери-Сербии, его породившей, поэтому ему приходится ежегодно одалживать ей денег на чёрный день. А поскольку чёрных дней в Сербии тьма-тьмушая, то и денежным переводам нет конца.

Нет конца и вечному сербскому нытью о том, что сербов становится всё меньше, и что в их многострадальной стране властвует «белая чума»⁵, ежегодно сокращающая число граждан на три десятка тысяч. В то же время сербы утверждают, что их женщины – самые красивые на свете, а я задаю логичный вопрос – почему же тогда они с ними не спят?!

Из всего вышеизложенного я заключаю, что сербы врут, и что их куда больше восьми миллионов. Зачем они скрывают настоящие цифры, мне неизвестно. Хотя, может быть, так оно и лучше.

Возможно, мир бы не выдержал, узнай он всю правду о сербах.

⁵ «Белой чумой» в Сербии традиционно называют ситуацию превышения смертности над рождаемостью.

Общественное устройство

Дорогие мои,

Хоть в Сербии я уже больше месяца, многие вещи мне ещё неясны. Так, я никак не могу понять, при каком же общественном строе живут граждане Сербии.

Когда их об этом спросишь, сербы говорят, что до вчерашнего дня они жили при социализме, а во сне видели коммунизм; сегодня же во сне видят социализм, а живут при капитализме. Некоторые говорят, что это вовсе и не настоящий капитализм, а какая-то его дикорастущая версия, только в этих краях и возможная.

Работники клянутся, что живут в рабовладении, интеллектуалы – что здесь властвует просвещённый феодализм, оппозиция утверждает, что это диктатура, а власть – что работает на вершинах демократии. Иностранцу вроде меня, тем не менее, кажется, что сербы живут в анархии.

Сербия – республика, в ней есть президент, правительство и парламент. Теоретически власть поделена на судебную, законодательную и исполнительную, а практически – между родственниками, кумовьями и приятелями.

Но это не всё, потому что в Сербии есть ещё и принц-престолонаследник – несколько лет назад он к ним прибыл из Лондона, где родился и вырос. Некоторые сомневаются в его сербстве, но я утверждаю, что для сомнений нет причин: ведь он снимает квартиру, судится с родственниками о

наследстве, и никто не знает, на что он живёт – кто же он ещё, если не самый настоящий серб?

В Сербии, кстати, очень ценят своих монархов: после того, как, отняв у них имущество, отправят их в изгнание или убьют, сербы устраивают им большие и трогательные похороны, называют улицы их именами и бормочут, что без короля жить не годится.

Наивысший юридический акт в Сербии – это конституция. Конституция Сербии – это такая очень остроумная книга, в которой, например, написано, что все граждане равноправны, а печать свободна. И ещё много таких симпатичных вещей. Сербы обожают читать свою конституцию и нередко берут её с собой в отпуск. Если вдруг увидите, как некий человек на морском пляже заходится от смеха, знайте, что это наверняка серб, читающий свою конституцию.

Сегодня у сербов многопартийная система, но они всё ещё тоскуют по однопартийной. Поэтому, стоит лишь какой-нибудь партии победить на выборах, все массово вступают в неё. Нет серба, который не состоит хотя бы в трёх партиях, из которых по меньшей мере одну он сам же и основал.

В здешнем парламенте двести пятьдесят депутатов. Их выбирают на выборах, но люди за них не голосуют, потому что депутатов выбирают партии. За партии – голосуют, но выбор не ахти какой. Государственное телевидение ведёт прямую трансляцию заседаний Скупщины Сербии, но об этом просили не зрители, а депутаты.

Сербская Скупщина принимает законы и резолюции. Законы принимает в основном из Брюсселя, а резолюции – из Вашингтона. Специфика сербских законов в том, что их никто не уважает, в особенности депутаты и суды: у депутатов к законам есть иммунитет, а судам законы мешают работать.

В Сербии есть свои государственные праздники. Половина граждан Сербии охотно и с удовольствием их отмечает, а вторая половина работает на частных.

Как и везде в мире, власть в Сербии осуществляют министры. Сербия – демократическая страна, поэтому министром здесь может стать каждый. Часто даже не зная, когда с ним такое может произойти. Нередки случаи, что человек засыпал обычным бездельником, нахлебником или шалопаем, а просыпался министром. Повесят тебе на шею какое-нибудь министерство просвещения или финансов – и чешишь как знаешь! Хорошо ещё, что министр не обязан разбираться в делах возглавляемого им министерства, в противном случае было бы просто страшно. За свою работу сербские министры отвечают не то перед президентом, не то перед председателем. Но не правительства, а своей партии: министерства строго разделены по партийному принципу, и в работу друг друга не вмешиваются. Говорят, однажды какой-то министр забрёл случайно в чужое министерство, и с того дня его и след простыл. Мандат министра в Сербии длится четыре года. После этого некоторые идут на пенсию, но большинство – в тюрьму.

Правительство Сербии формируется, когда партии достигнут согласия о совместной программе. А их совместная программа – оставаться у власти. Поэтому у всех здешних партий большой коалиционный потенциал. Каждое новое правительство – лучшее в истории Сербии, а предшествующее было воровским и расточительным.

А вообще, здешние граждане только и ждут, когда правительство падёт, потому что тогда назначаются внеочередные выборы, а выборы здесь – чрезвычайно забавное развлечение. Но об этом как-нибудь в другой раз.

Экономика

Дорогие мои,

Я уже три месяца в Сербии, но до сих пор не могу постичь, как эта страна выживает. Когда бы я ни спросил любого знакомого серба, что в его стране производится, он всегда отвечает – ничего! А когда я спрашиваю, как это возможно – жить в стране, в которой ничего не производится, он только пожимает плечами и хитро улыбается.

Сербы, кстати, очень трудолюбивы, но свою работу делать не любят. Все другие дела любят, но вот именно свою работу – не любят! Нет серба, который бы не считал, что любую другую работу он делал бы лучше, чем ту, которой занят в настоящее время. Что и логично, потому что именно его работа – самая тяжёлая, тогда как все другие проще и легче. К несчастью, никакой другой он пока найти не может, вот и вынужден работать на той, какая есть. Пока ему не подвернётся «что-нибудь получше», конечно.

Разбирающиеся в здешних экономических потоках утверждают, что в Сербии процветают торговля и услуги. Когда я спрашиваю, чем чаще всего сербы торгуют, они говорят – информацией. Я спрашиваю, означает ли это, что Сербия – информационное общество, они говорят – нет, скорее общество информаторов! Нет серба, который бы не знал чего-нибудь такого, что не захотели бы узнать его соседи, председатель дачного комитета, участковый полицейский или многотиражный таблоид.

Я интересовался у специалистов, что Сербия чаще всего экспортирует, и они говорят – футболистов! Это самый

сильный сербский экспортный продукт, о котором слышали везде, вплоть до Южной Кореи, Фарерских островов и Мыса Доброй Надежды. Ежегодно из Сербии вывозятся сотни желторотых футболистов, которых дальше перепродают уже по всему миру. Из Сербии, правда, ещё экспортируются инженеры, врачи и учёные, но за них сербы денег не берут, их отдают безвозмездно.

Сербы говорят, что сельское хозяйство – тоже их большой козырь, и что они могли бы кормить половину Европы. Я спрашивал, почему же они до сих пор этого не делают – мне отвечали, что не могут договориться о том, какая это будет половина.

Когда я спрашиваю, что Сербия чаще всего ввозит, сербы говорят – всё! Не существует таких вещей, какие Сербия не в состоянии ввезти: свиное мясо из Аргентины, зубочистки из Польши, пластиковые трусы из Китая, паприку из Болгарии, варенье из Турции, телесериалы из Мексики...

В искусстве импорта сербы зашли настолько далеко, что стали ввозить и сербов! Стоит им подумать, что среди них для какого-нибудь высокого поста нет никого достаточно умного – они прочешут весь мир, но нужного серба найдут! Так они несколько лет назад нашли союзного премьера, чуть позже – даму на должность министра культуры, а в последние годы принялись ввозить министров финансов⁶.

Ну, с торговлей разобрались, теперь об услугах.

Я спрашивал, какие именно услуги сербы могут предложить, и они говорят – взаимные! Нет серба, которому бы не требовалась какая-либо услуга, и который сам не мог бы чем-нибудь услужить другому. С помощью таких услуг серб

⁶ Союзным премьером был американский бизнесмен сербского происхождения Милан Панич; дама на должности министра культуры – Радмила Милентиевич, также из Америки; прибывшие из-за рубежа министры финансов – Лазарь Крстич и Божидар Челич.

находит себе работу, подходящий тендер, столик в ресторане или место на кладбище для вечного отдыха.

Дальше сербская экономика делится на приятельскую и договорную. Приятельская экономика в основном осуществляется путём долгих живописных разговоров по мобильному телефону с бесконечными «брат-брат». Чаще всего в ней используется принцип «услуга за услугу», но довольно часто и «услуга за деньги».

Договорная сербская экономика реализуется в кафанах. Нет такой сделки, которую сербские бизнесмены не могут заключить в кафане, и нет того, что один другому не может продать. Подержанные заводы и фабрики, мало использованные депутаты, почти новые дипломы... Но больше всего любят продавать туман, точнее – то, что им не принадлежит. Когда ты обращаешь их внимание на то, что это коррупция, они говорят, что ты преувеличиваешь, и предлагают тебе взятку, чтобы ты об этом не распространялся.

Однако больше всего меня интересовало, почему в Сербии ничего не производят. И сербы мне сказали, что это потому, что у них нет фабрик. Когда я у них спросил, где же их фабрики – сказали, что они их продали или превратили в торговые центры и кафе. А когда я спросил, зачем им столько торговых центров и кафе, ответили – затем, что здесь процветают торговля и услуги.

Логично, разве нет?

Богатство

Дорогие мои,

Вижу я, что сербы не любят правду. Если бы условного слепого привезли в Сербию и пустили побродить среди сербов, чтобы он просто послушал, о чём они говорят, – я уверен, что от их нытья и причитаний он бы ещё и оглох. Поверьте, сербы мало что делают с большим воодушевлением, чем причитают.

Они жалуются на власть, на родителей, на детей, на соседей, на кумовьёв, на начальников, на судьбу! Постоянно твердят, что они бедные, несчастные, ограбленные, нищие... С тех пор как я приехал в Сербию, я ещё не встретил серба, который не пожаловался бы мне на кризис и безденежье.

Я же абсолютно уверен, что на самом деле дела обстоят совершенно иначе, а сербы намного состоятельнее, чем они утверждают. Приведу вам твёрдые тому доказательства.

Мало в мире мест, где иностранец вроде меня сможет провести время лучше, чем в Сербии: здесь можно найти себе компанию для отдыха и развлечения и в полдень, и в полночь – кафешки и кафаны всегда полны, а о сплавах⁷ и говорить нечего. Когда человек садится с сербами за стол, подразумевается, что он устанет слушать, как малы их зарплаты и велики их долги, а сами они все подряд банкроты без единого динара в кармане. Однако же, когда в конце он попытается оплатить

⁷ Сплавы – уникальная «фишка» Белграда: дискотеки и рестораны на дебаркадерах вдоль Савы и Дуная.

кафанский счёт, то станет свидетелем возмущённой битвы присутствующих на предмет того, чья банкнота окажется в руках официанта.

Гуляя по здешним улицам, иностранец не может не заметить, что по Сербии ездят такие же хорошие автомобили, как и во многих других, куда более развитых странах. Если дорога приведёт иностранца к зданиям сербского правительства или парламента, то он убедится, что государственный автопарк в Сербии лучше, чем возле Бундестага или Вестминстерского дворца. На Белградском автосалоне самые дорогие экспонаты продаются так быстро, что и моргнуть не успеваешь, и само собой разумеется, что у каждого видного серба имеется ещё и яхта за несколько сотен тысяч евро. Все непрестанно жалуются на цену бензина, но разъезжают так, словно они владельцы нефтяных скважин.

Даже у среднего состоятельного человека этой страны есть квартира и дача в сто пятьдесят квадратов у подножия какой-нибудь горы. Дачу он посещает два раза в год: первый раз – чтобы проветрить её в начале лета, а второй – чтобы запереть её на зиму. Серб, у которого нет помещения под сдачу, считается человеком пропащим и социально неблагополучным.

В сезон отпусков в Сербии невозможно забронировать путёвку в какое-либо экзотическое место, потому что все места давно расхватааны. Сербь давно уже не ходят ни в кино, ни в театр, свой Народный музей давно заперли, но зато по торговым центрам их бродит тьма-тьмущая. Когда какая-нибудь всемирная торговая сеть открывает в Сербии свой оптовый супермаркет, очередь формируется с ранней зари – сербы друг другу рёбра ломают, лишь бы войти первым и купить по невероятно низкой цене хотя бы арбуз.

И вообще – нет такого товара, который среднему сербу невозможно было бы продать. В дверь любого сербского дома почтальон всегда звонит дважды: сперва он доставляет препарат для похудения, а второй раз – для набора веса. Средняя

сербка, не особо за собой следящая, под супружеской кроватью хранит по меньшей мере два шаговых тренажёра и вибромассажёр для живота, а у её мужа в гараже пылится компрессор и некое хитроумное «приспособление для толкания машины без усилий». Само собой разумеется, что у их детей есть самые современные мобильные телефоны и компьютеры.

Насколько сербы богаты, свидетельствует и тот факт, что свои фабрики они распродали по смешным ценам – какую за евро, какую за три, а в эти дни по такой же цене выставили на продажу и свою самую большую телекоммуникационную компанию⁸. Своих выдающихся спортсменов Сербия с малых лет осыпает квартирами и денежными премиями, а заслуженных деятелей искусств – национальными пенсиями. Если вы почитаете газеты, то увидите, что Сербия выплачивает пенсию даже бывшему президенту соседнего государства⁹.

Ну как после этого человек поверит сербам, что их собаке цапнуть не за что?

⁸ Здесь речь идёт о компании «Телеком».

⁹ Сербские СМИ писали, что Сербия некоторое время выплачивала пенсию Стипе Месичу – последнему президенту СФРЮ, имевшему, кстати, самое прямое отношение к её распаду; позднее он был президентом Республики Хорватия.

Сельское хозяйство

Дорогие мои,

Если вы изучите карту Сербии, то увидите, что эта страна имеет исключительно благоприятное географическое положение: повсюду плодородные равнины, богатые реки и роскошные леса, что уже на первый взгляд представляется идеальным местом как для сельского хозяйства, так и для людей, которые им занимаются. И действительно, Бог или Большой взрыв не поскупились и подарили Сербии плодородную землю, на которой вырастает всё, что ни посадишь. Любой бы подумал, что сербы очень этим счастливы и всякий день благодарят своих далёких предков, которые, покинув окрестности Карпат, решили остановиться именно в этом благодатном краю.

И обманулся бы!

Всё совершенно наоборот!

Сербов ничто так глубоко не печалит, как тот факт, что они живут на плодородной земле! Несчастливы все – сельяне, горожане, государство, уж и не знаю, кто из них горюет горше!

Ищи хоть со свечой, во всей Сербии ты не сможешь найти ни одного довольного сельянина. Сербский сельянин весь день ходит злой, разочарованный и взбешённый. Он считает, что он обманут – и природой, и государством, и судьбой. Убеждён, что все прочие на планете устроились намного лучше, и что все занимаются какой-то более лёгкой и комфортной работой, а лишь ему одному выпало делать то, чего никто делать не хочет.

Поэтому здешний сельянин считает, что ему все должны. От государства он ожидает, что оно вернёт ему долг бесплатными удобрениями, топливом, кредитами и покупкой всего, что он произведёт, по цене, которую он сам установит. Само собой разумеется, что он убеждённый противник любого налога, и охотнее пойдёт в тюрьму, чем заплатит что-то государству. От горожан он требует, чтобы покупали всё, что он вывалит на прилавок, чтобы зажмуривались, когда их обвешивают, и чтобы были ему благодарны за то, что он их «хлебом кормит».

Если государство и горожане дерзнут что-нибудь из этого не исполнить, сербские труженики сельского хозяйства сразу же начинают хором причитать, а потом блокируют дороги, выливают на землю молоко, давят тракторами малину, кидаются сливами...

И ругаются – храни тебя Бог! Если год урожайный – ругаются, что он урожайный, отчего цена продукции низкая. Если

засуха или град уничтожат урожай – ругают Бога и государство, а от последнего ещё и требуют возмещения убытков. Этак встанут перед телекамерой, повесят свои носища и начнут клясться, что работают без прибыли и стоят на краю гибели, а если их кто-нибудь спросит, почему же они не продадут землю и не бросят эту неблагодарную работу, то хватаются за топоры или угрожают проткнуть любопытного вилами.

А сколько несчастий сельское хозяйство приносит правительству! Ничто другое не вызывает у правительства большей головной боли! Ещё не было в Сербии правительства, которое бы не вынашивало мысль запретить сельское хозяйство декретом, а виноградарство так и вовсе объявить вне закона. При распределении портфелей в правительстве сербские политики тянут соломинки, и кто вытащит короткую – тот и становится министром сельского хозяйства. Всякий раз, когда нужно выкупить пшеницу, премьер впадает в стресс, а директор Народного банка заходится криком из-за неминуемой инфляции. При упоминании о сельскохозяйственных субсидиях полправительства пьют успокоительное, а министры путей сообщения и полиции превентивно просят отставки. Министр сельского хозяйства потом разъезжает повсюду, везде произнося одни и те же речи о том, какой большой шанс для развития Сербии представляет собой сельское хозяйство, а селяне прикидываются, что ему верят. Каждое лето совместно составляют долгосрочную стратегию орошения сельскохозяйственных культур, но первый же дождь ломает им все планы.

Сербы, живущие в городах, также не видят смысла ведения сельского хозяйства в современном обществе. Спрашивают – кому нужны рынки, если их дети овощи есть не любят, а сами они сидят на диете и едят только кукурузные хлопья? Да и вообще, современные сербы всё могут купить в торговых центрах.

Всё, кроме ума.

Государственные предприятия

Дорогие мои,

Все вы, вероятно, знаете сказку про волшебную лампу Аладдина, которую лишь стоит потереть, как добрый джинн тут же исполнит любое ваше желание, и все вы наверняка думаете, что всё это выдумка и такого быть не может. Так думал и я, пока не приехал в Сербию и не узнал о здешних государственных предприятиях. Теперь я вам могу с уверенностью сказать, что по сравнению с сербскими государственными предприятиями лампа Аладдина – всего лишь их бледная копия, жалкий восточный кич.

Потому что, как мы знаем, добрый джинн смог осчастливить лишь нашедшего лампу почтенного юношу и его избранницу Лейлу, тогда как тем, кого десятилетиями делают счастливыми сербские государственные предприятия, никто и числа не знает. Нет таких фонтанов желаний или амулетов счастья, которые могли бы похвастаться столькими довольными пользователями, как сербские госпредприятия. Более того, с фонтанами желаний, даже самыми опытными, иногда случается, что они кого-нибудь из клиентов да и подведут, а вот чтобы сербское государственное предприятие кого-то разочаровало – таких примеров история не знает.

Я боюсь себе даже представить, что бы произошло с Сербией, не будь у неё своих государственных предприятий. Думаю, что сербская политическая жизнь сразу бы замерла – партии потеряли бы все свои амбиции, а предвыборная гонка –

всякую прелесть. Советы директоров опустели бы, как сёла на Голии¹⁰. Самые блестящие партийные кадры, лишённые шансов показать свои менеджерские таланты в государственных директорских креслах, впали бы в тяжёлую депрессию, а великая печаль обуяла бы и сотни их родственников и друзей, оставшихся без надежды вскоре откусить от государства кусок хлеба, а в один прекрасный день – и жирное выходное пособие.

Ничуть не меньшее несчастье этот зловещий сценарий вызвал бы и у здешних медиа, в которых сербские государственные (к тому же монопольные) предприятия столь охотно и столь беспричинно себя рекламируют. Настоящий мор настал бы и среди сербских футбольных и баскетбольных клубов, которые потеряли бы самых щедрых спонсоров, без которых вряд ли смогли бы одарить своих игроков дорогущими автомобилями и многомиллионными контрактами. Сербские дельцы от культуры тоже зарыдали бы во весь голос – кому же ещё какой-нибудь убогий здешний ваятель смог бы продать свои скульптуры за баснословную сумму, если не директору какого-нибудь правительственного предприятия?

А какая катастрофа постигла бы фирмы, которые ведут дела с государственными предприятиями, можно только предполагать: несложно представить отчаяние на лице скромного владельца экскаватора, чья машина в этом случае работала бы только восемь или десять часов в день, а не все двадцать пять, на которые она, оказывается, способна. Не будь государственных предприятий, мы бы никогда не узнали настоящей цены некоторых видов продукции: продолжали бы занижать цену вешалок для одежды и ручек для зонтов, не подозревая,

что их возможно продать по несколько тысяч евро за штуку. Сербский туризм со своей стороны тоже бы впал в кому, останься он без тысяч работников государственного сектора, вечно стремящихся к спорту, отдыху, рекреациям и прочим симпозиумам... Всё это нужно иметь в виду тем, кто в эти дни предлагает деполитизацию и приватизацию государственных предприятий, ехидно заявляя, что они – не фонтаны желаний.

Я согласен, что сербские государственные предприятия не фонтаны желаний.

Скорее, они тут источники жизни.

¹⁰ Голия – гора на юго-западе Сербии между городами Иваница и Нови-Пазар. Покрыта густыми лесами в статусе биосферного заповедника. Также на Голии есть небольшой горнолыжный курорт, несколько исторических памятников и монастырей.

Сербская ругань

Дорогие мои,

Да где вы, бл...ь, в п...ду вас к ё...ой матери! Не удивляйтесь, что я к вам обращаюсь такими на первый взгляд скверными словами: если бы вы чуть ближе познакомились с сербами, вы бы знали, что здесь это один из самых сердечных приветов. Сербы просто обожают брань и сквернословие, и при первой возможности охотно их используют. Может быть, все другие люди на нашей планете и впрямь произошли от обезьяны, но я почти уверен, что сербы произошли от извозчика.

Здесь ругаются все – стар и млад, мужчины и женщины, образованные и необразованные, уважаемые и крайне неуважаемые. Ругань – это одна из немногих сербских ценностей, оставшихся изначально отечественными и всем в равной степени доступными. Новый мировой порядок, дикий либерализм и ватиканский заговор во многом смогли обтесать сербскую национальную идентичность, но сербский мат они даже не надгрызли: он остался всё тем же, каким от века был – содерзательным, живописным и эффективным.

Сербы начинают ругаться и сами бывают обруганы ещё с самого раннего детства, потому что здесь глубоко укоренилось верование, что дитя вырастает быстрее, если его регулярно ругает мать, обе бабки, а если младенцу повезло иметь ещё и толковую тётку, то здоровое развитие ему, считай, обеспечено. Как только ребёнок научится первым словам, от него ожидается, что он и ругаться начнёт, а приблизить это мгновение ему всегда охотно поможет некий ближайший родственник –

дядя, дед или кум. Когда курс обучения даст плоды и самый младший член семьи наконец-то извергнет изо рта свою первую ругань – это приводит к общему восторгу семьи и друзей, которые только тогда и обретают уверенность, что дитя совершенно здорово и хорошо воспитано.

Если вы меня спросите, что именно сербы обычно ругают, сразу скажу вам – абсолютно всё! Поскольку слова матерные, чаще всего ими, разумеется, ругают матерей. А вслед за ними и отцов, сестёр, семью, всех сродников до седьмого колена, солнце, хлеб, Бога, судьбу, жизнь, засуху, дождь, семя и племя, славу, время года и святую неделю, волюнку, а охотнее всего государство! В общем, мало есть вещей и явлений, которые бы сербы в свой мат не вставили, но, тем не менее, существующих ругательств им никогда не бывает достаточно, потому что здесь ругает всякий всякого и на всяком месте: отцы ругают детей, дети – наставников, шефы – работников, почтальоны – собак, болельщики – футболистов, футболисты – судей, пешеходы – водителей, водители – друг друга... Ругань здесь – признак шарма, близости и твёрдости характера, потому что сербы ругаются и когда любят, и когда ненавидят.

Слышал я, правда, что когда-то и в Сербии ругань считалась свидетельством дурного воспитания и, более того, грубости и пошлости, но сегодня всё совсем иначе: площадная брань победила в борьбе за равноправное пребывание в обществе, в чём каждый может убедиться, просто открыв здешние газеты или посмотрев по телевизору трансляцию заседания Скупщины. В Сербии ты не можешь быть публичной личностью, если хотя бы раз в году перед телекамерами не изматеришь в собачий рот какого-нибудь оппонента: коллегу по эстраде, литературного критика или бывшего мужа – всё едино. Если намереваешься достичь успеха с каким-нибудь художественным произведением, тебе придётся в него ввернуть по меньшей мере сотню скверных слов, поскольку сербская публика ничему не смеётся так охотно, как сочным ругательствам.

Однажды некий молодой театральный режиссёр поставил пьесу без единого мата в тексте и тем вызвал такой скандал, что самому министру культуры пришлось вмешаться, чтобы всё утихло. Поэтому современная сербская музыка и литература – это просто рассадник новых ругательств, а сербские фильмы суть не что иное, как поток матерщины, прерываемый скучными диалогами.

А почему это так – я понятия не имею, или, как сказали бы сербы – да е■у я, что ли?

Сербия и Черногория

Дорогие мои,

Я уже давно намеревался вам написать несколько строк об отношениях Сербии и Черногории, но не решался начать, потому что мне как иностранцу ещё многое в этой комплексной связи было неясно. Наконец-то я это делаю, но предупреждаю, чтобы вы не принимали того, что я вам расскажу, за непреложную истину, поскольку я не уверен, что всё правильно понял.

Черногория – это маленькая балканская страна, которая граничит с Сербией. Точнее сказать, Черногория граничит с Сербией, но Сербия с Черногорией не граничит. Всё потому, что Сербия и Черногория до недавних пор жили вместе, а теперь Черногория решила пожить одна. Сербия же осталась хоть и обиженной, но убеждённой, что это только минутный каприз, и Черногория, как и всякое беспокойное дитя, что иногда убегает, вскоре вернётся домой, поэтому в границах нет никакой нужды.

Черногория – независимое государство, признанное в мире, но не в Черногории: половина черногорских граждан её независимости не признаёт.

По государственному устройству Черногория – наследственная республика, потому что тамошний властитель уже два десятилетия наследует самому себе.

Столица Черногории – Подгорица, но столица черногорцев – Белград. В Белграде живёт больше черногорцев, чем в

Черногории, поэтому неизвестно, чем белградские черногорцы считают Черногорию – диаспорой или Родиной-матерью. Также черногорцы обожают учиться в Белграде. На какой бы факультет они ни поступили, дипломируются на директора.

Ещё несколько лет назад в Черногории в основном жили сербы, а сейчас в основном живут черногорцы. Нет ничего легче, чем из серба стать черногорцем. Достаточно пролистать два-три государственных ежедневника – и готово. Столь же легко из черногорца стать сербом. Причём не каким попало, а великим сербом: нет на свете бóльших сербов, чем урождённые черногорцы!

Сербы очень любят вести свой род от черногорцев. До недавнего времени каждый второй серб гордился своим происхождением из Черногории, но теперь, когда это уже не так популярно, о черногорском происхождении заявляют лишь немногие.

Сербия и Черногория злы друг на друга. Сербия считает, что Черногория, когда отселилась, украла у неё море, язык, письменность и церковь, а Черногория уверена, что Сербия ей задолжала Негоша, славную историю, Владу Георгиева и Новака Джоковича¹¹. Сербия предлагает вернуть Черногории часть истории и целого Владу Георгиева, а взамен получить часть моря, но Черногория и слышать о том не желает – она требует назад целого Джоковича, а вернуть готова язык, письменность и церковь: они и так ей больше не нужны, потому что теперь у неё есть свои.

¹¹ Петар II Петрович Негош – выдающийся сербский поэт, правитель и митрополит Черногории в 1830-1851 гг.

Владимир «Владо» Георгиев (род. 1976) – сербский певец и продюсер, родился в хорватском Дубровнике, почти с самого рождения до 16 лет жил в Черногории, в Херцег-Нови. Затем вместе с братом уехал в Белград.

Новак Джокович (род. 1987) – сербский профессиональный теннисист, один из лучших игроков в истории, первая ракетка мира в одиночном разряде. Дебютировал на международной арене в 2004 г., выступая за сборную Сербии и Черногории.

В Черногории до недавних пор говорили на сербском языке, а сейчас говорят на черногорском. Счастье ещё, что черногорский неотличимо похож на сербский, потому что в противном случае черногорцы бы сами себя не понимали.

Сербия и Черногория завидуют и природным красотам друг друга. Из природных красот Черногории сербки больше всего любят черногорцев, а из природных красот Сербии черногорцы больше всего любят Дединье¹².

Черногорцы в основном эмигрируют в Америку и в Белград. Но если из Америки кое-кто и вернулся, то из Белграда пока ни один.

В общем, Сербия и Черногория – это два глаза в одной голове.

Точнее, два глаза в пустой голове.

¹² Дединье – элитный жилой район Белграда, застроенный в основном частными виллами состоятельных граждан и зданиями посольств иностранных государств. Также там расположен королевский дворцовый комплекс.

Сербы и Америка

Дорогие мои,

Помните ли, как вы меня предупреждали, что сербы не любят западный мир, а особенно американцев? Вы мне говорили, что Америка в прошлом веке дважды бомбила Сербию, и что сербы из-за этого на неё сердиты.

Вы понятия не имеете, как вы ошибаетесь! Я ещё не видел народа, который бы любил Америку больше, чем сербы.

Вот, например, на всех сербских телеканалах показывают исключительно американские фильмы и сериалы. За всё это время я ни разу не посмотрел какой-нибудь русский, французский или немецкий фильм. По радио крутят американскую музыку, в клубах запускают западные хиты, у всех подряд молодых музыкальных бэндов английские названия, дети играют в ковбоев и индейцев, кока-колу пьют как воду, а в школах охотно занимаются американской борьбой. Сербский ребёнок, у которого есть айфон и планшет, уже, считай, осуществил американскую мечту!

Здесь и стар и млад носят джинсы, за оригинальный «Левис» отдают целое состояние, как и за кроссовки «Найк». Вся мода, приходящая из Америки, здесь принимается быстрее, чем когда-то принялся привезённый из-за океана картофель. Кстати, о картофеле – не удивляйтесь, что сербы его уже называют «помфрит», раз они даже свою плескавицу перекрестили в гамбургер.

Сербы обожают американскую НБА и счастливы, когда кто-нибудь из их земляков в неё попадает. Тогда они ночами не

спят, болея за его команду так, словно она сербская. Своего футбола сербам уже не хватает – они начали играть и в американский, и недалёк тот день, когда и бейсбол станет сербским национальным спортом. Все предпосылки для этого есть, потому что у каждого второго серба имеется бейсбольная бита, которой он умеет бить очень хорошо, а главное охотно.

Во время трансляции церемонии присуждения «Оскара» люди здесь ночами не спят, как, впрочем, и во время выборов американского президента. Каждый серб имеет своего фаворита, и очень печалится, что не может за него проголосовать.

А уж как сербы любят американского посла – этого я вам просто описать не смогу! Особенно его любят политики у власти, более того – они без него не выносят ни одного крупного решения. Оппозиция ему тоже умиляется, потому что знает, что никто не может сформировать сербское правительство успешнее, чем американские дипломаты. Когда по Белграду на служебном автомобиле проезжает некий сербский функционер, сербы костерят его на чём свет стоит, но стоить прибыть какому-либо американскому официальному лицу – все ему охотно уступают дорогу, и высокий гость наслаждается таким почётом и удобствами, каких он в любой другой столице и во сне бы не увидел.

«Макдональдс» для граждан Сербии – культовое место, количество посетителей которого всегда вдвое превышает его вместимость. Белградцы возле него встречаются и расстаются, а сербы из глубинки посещают его как туристический аттракцион.

По правде говоря, раз в несколько лет сербы вспоминают, что не любят американцев (ну, бывает, подожгут американское посольство и несчастный «Макдональдс»), но эта злость у них быстро проходит и всё опять идёт по-старому. Впрочем, бьёт – значит любит, разве нет?

Сербы и хорваты

Дорогие мои,

Вы даже не подозреваете, как мало знаете о Сербии. Помните, как вы мне говорили, что сербы не любят хорватов, а хорваты ненавидят сербов? Рассказывали что-то об их вековой вражде, о кровавых междоусобицах и ещё о чём-то похожем.

Да вы просто-напросто ошиблись! Я ещё не встречал двух таких народов, которые бы столько значили друг для друга, сколько сербы для хорватов и наоборот! Такой страстной связи не найти даже в самых возбуждающих любовных романах!

Иностранцу вроде меня сербы и хорваты напоминают разведённых супругов, которые продолжают друг друга пламенно любить, но никому не посмеют в этом признаться. Да они под страхом смерти не признались бы, что у них есть хоть что-то общее! Когда вы им напоминаете, что их язык и происхождение друг от друга ни на волосок не отличаются, они вас сразу же перебивают, крича, что это чистая случайность. Югославию (страну, в которой они ещё недавно жили вместе) и те, и другие вслух называют «тюрьмой народов» и клянутся, что никогда её не любили. Но, убеждая вас в отсутствии у них югославской ностальгии, тщательно прикрывают на локте татуировку «ЮНА¹³».

Как и все бывшие любовники, сербы и хорваты непрестанно друг на друга дуются, и каждый, отворачиваясь, твердит, что видеть другого не может, зато потом, украдкой, с

любопытством и ностальгией заглядывает соседу за забор. Как иначе объяснить тот факт, что половина граждан Сербии регулярно смотрит хорватское телевидение, а хорватские газеты даже самую незначительную сербскую аферу помещают на своих передовицах?

Трезвый хорват ни за что не признается, что слушает сербских певиц, зато пьяный он распевает их песни во весь голос. Серб же клянётся всеми святыми, что ни за что бы не поехал на хорватское побережье, а потом тайком разглядывает пожелтевшие фотографии своих былых отпусков и вздыхает.

Сербы обзывают хорватов усташами, а хорваты сербов – четниками¹⁴, но они способны взаимно награждать друг друга и куда более красивыми комплиментами. Поэтому не нужно удивляться, что самый великий сербский писатель – в действительности хорват, а самый большой хорватский учёный – на самом деле серб¹⁵!

И сербов, и хорватов ничто не может так осчастливить, как неудача противоположной стороны.

А неудач у них более чем достаточно!

Вы представить себе не можете, сколько чистой радости в Сербии вызывает новость о том, что полиция задержала какого-нибудь хорватского министра, или в Хорватии – что суд в Гааге снова присудил что-то в ущерб Сербии. Когда хорваты не попадают на чемпионат мира по футболу, сербы радуются этому намного больше, чем тому, что их собственная сборная прошла квалификацию! Когда сербские баскетболисты решат кого-нибудь победить в последнюю секунду, они

¹⁴ Усташи – члены хорватской фашистской ультраправой националистической организации, с апреля 1941 г. по май 1945 г. стоявшей во главе марионеточного Независимого государства Хорватия.

Четники – представители некоммунистического, преимущественно монархического сербского сопротивления во Второй мировой войне.

¹⁵ Самый великий сербский писатель и самый большой хорватский учёный – имеются в виду Иво Андрич и Никола Тесла соответственно.

¹³ ЮНА – Югославская народная армия.

Сербия и Европейский союз

Дорогие мои,

Не знаю, известно ли вам, но Сербия не является частью Европейского союза. Она должна была войти в ЕС ещё в 2008-ом году, но не вошла; теперь говорят, что должна войти в 2018-ом¹⁷, но не войдёт!

Если вы меня спросите, почему Сербия до сих пор не член Европейского союза – я не уверен, что знаю ответ. Я тут немного порасспрашивал, и мне сказали, что это потому, что Сербия не выполняет условий. Я спросил, о каких условиях речь – мне ответили, что не знают. Потом я поинтересовался, сколько их, этих условий – сербы думают, что их бесчисленное множество.

И всё-таки мало кто любит Европу больше, чем сербы! До недавних пор, по правде сказать, они по отношению к ней были немного скептически, но сейчас повсюду царит неизмеримое воодушевление. Из Европы берут всё, что под руку попадётся: законы, правила и нормы, рабочее время, паспорта, автомобильные номера, почтовые ящики...

В этой всеобщей влюблённости впереди всех, конечно, сербские политики. Среди них до недавнего времени находились и такие, у кого к Европе были замечания, но сегодня они все поголовно – чистые европейцы из европейцев! Понимаю, что вам это кажется удивительным, поэтому объясняю.

¹⁷ Книга написана автором в 2014 году.

выберут именно хорватов, как, собственно, то же самое делают и хорваты в каком-нибудь турнире по водному поло.

Особенно трогательным выглядит сотрудничество хорватского и сербского криминала: как только кто-то из преступников сотворит какое-нибудь злодеяние в своей стране, он сразу же спешит к своим коллегам в соседнюю, зная, что будет там по-братски встречен и надёжно укрыт. Когда некий сербский тайкун¹⁶ покупает новую яхту, он прежде всего проводит её по Адриатике, а когда его хорватскому коллеге нужно отмыть деньги, он покупает фабрику в Сербии. Когда известная хорватская певица соберётся замуж, за кого ж ей выходить, как не за серба?

Если сербский репортёр напишет громкое журналистское расследование, он сразу же опубликует его в хорватских газетах, а если хорватский колумнист наберётся храбрости по критиковать свою власть, он, конечно же, сделает это в Сербии! Хорватский музыкант может считать, что преуспел в жизни, только когда его позовут на гастроли в Сербию, а его коллега-серб – только когда ему запретят въезд в Хорватию!

Сербский и хорватский президенты неразлучны и когда воюют, и когда живут в мире: в ходе войны они обмениваются территориями, а в мирное время – извинениями.

Иначе говоря, отношения Сербии и Хорватии с каждым днём всё лучше и лучше. Осталось только взаимно предъявить обвинения в геноциде, и станут просто отличными.

Когда недавно Хорватия вступала в Европейский союз, она с Сербией так трогательно просталась, что вся Европа плакала. Хорваты сербам долго обещали, что будут их там ждать, а сербы клялись, что придут, как только смогут.

Если это не любовь, то я тогда не знаю, что это!

¹⁶ Тайкун – старояпонский синоним слова «сёгун», властитель. Так на Балканах называют тех, кого в России принято называть олигархами – предпринимателей, обогатившихся сомнительным путём в ходе приватизации после распада федеративного государства.

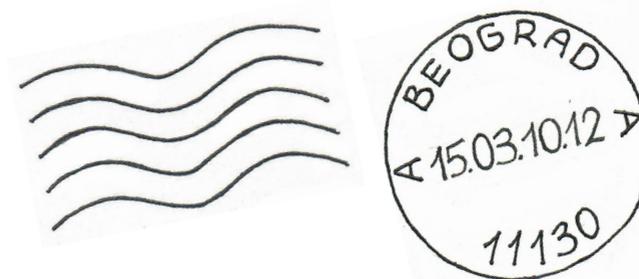
Видите ли, всего каких-то несколько лет назад сербским политикам приходилось оправдываться перед своими избирателями за свои упущения и ошибки, объяснять, почему они сделали то и не сделали это. Но как только они приняли европейский курс, такие оправдания стали совершенно не нужны: чего бы они ни натворили, им достаточно просто встать перед телекамерой и сказать, что это было сделано в соответствии с европейским путём Сербии – и всё!

Если, например, какого-нибудь партийного лидера схватят за руку в чужом кармане или чемодане – он просто говорит, что вёл себя в соответствии с европейской практикой, и нет проблем! Если кого-то обвинят в уничтожении какого-нибудь предприятия или в растрате бюджетных средств – он теперь даже адвоката не берёт; просто заявляет, что всё делал в соответствии с европейскими правилами – и его сразу же освобождают!

Ничуть не меньшие поклонники Европы – сербские бизнесмены. О, как они любят Европу! Взбрѣдет им в голову идея, например, половину работников уволить, а второй половине урезать зарплату – теперь это легко! Они больше не должны никому ничего объяснять – просто поклянутся, что в Европе так повсюду, и знай себе управляют дальше. Если кого-нибудь из них инспекция поймает при ввозе, например, генетически модифицированных продуктов или радиоактивных искусственных удобрений – он только скажет, что всё в соответствии с европейскими стандартами, и сдвинет шапку набекрень.

Европу возлюбили и здешние университеты, тут же поднявшие свою плату за обучение на европейский уровень, и поставщики лекарств, продающие дорогие медикаменты (конечно же, по рекомендации Европейского союза), и депутаты, чьи привилегии ни на волосок теперь не отличаются от прав европейских парламентариев... Нет сегодня в Сербии зонтика красивее и лучше, чем европейский!

А если кто дерзнѣт сербских политиков, бизнесменов и прочих спекулянтов назвать неповоротливыми, неспособными или коррумпированными, они ему тут же пришьют ярлык, что он примкнул к антиевропейским силам, и всё – собрал парень зелёную бахчу! Брюсселя он больше никогда не увидит, о приѣмах в посольствах может позабыть, а для неправительственного сектора он вообще будет мѣртв на все времена. Лучше ему подхватить какую-нибудь редкую тропическую заразу, чем его постигнет такое несчастье.

Русофилы

Дорогие мои,

В моей, теперь уже долгой, жизни мне встречались разные типы людей. В своих длительных и занимательных путешествиях мне довелось познакомиться с непостижимыми обычаями американских амишей, с удивительной жизнью африканских бушменов, с нетронутой душой венесуэльских амазонцев. Но здесь в Сербии я познакомился с одним крайне редким, исключительным видом, которого нигде больше не встречал. Речь идёт об особенном религиозном объединении, представители которого называют себя русофилами.

Русофилы в Сербии – это те, чьё верховное божество зовётся Россия. В Россию веруют, России молятся, Россией клянутся. Считают её своей защитницей и охотно приносят ей жертвы. Иногда свои, но чаще чужие.

Русофилы с виду вообще не отличаются от остальных граждан Сербии. Носят джинсы, водят немецкие автомобили и смотрят турецкие сериалы. В России они никогда не были и по-русски не говорят. Детей своих записывают на курсы английского и посылают учиться в Америку. Мечтают эмигрировать в Швейцарию и покупают товары шведского стандарта. Регулярно голосуют за проевропейские партии и живут за счёт дяди Сэма.

Как же тогда узнать русофила?

А никак. Да в этом и нет нужды. Потому что, как только встретишь какого-нибудь русофила, он тебе сразу же скажет, что он русофил. Что Россия ему мать, а все русские братья. Что

русский президент – царь. Что Россия нас никогда не бомбила. Что ты не патриот, если не любишь Россию больше Сербии. Что солнце всходит на востоке...

И ещё добавит, что сербы и русские всегда исповедуют одну и ту же веру – то коммунизм, то православие. И что неправда, что он не покупает и не использует ничего русского – вот, например, на крестную славу он всегда готовит русский салат и напивается русской водкой. Обожает «калашников» и охотно им пользуется. Жена его похожа на матрёшку, а тёща на Сталина.

Гордо заявит, что русские писатели – самые лучшие в мире. Ещё в седьмом классе он начал читать толстовскую «Войну и мир», но пришлось прерваться, потому что ему принесли повестку в армию. Потом начал было читать «Преступление и наказание», но приятель ему рассказал, кто убийца – ну, он читать и перестал. Балета «Лебединое озеро» он не видел, потому что в ближайшем кинотеатре его давно не показывали. Зато лично знает одного парня, который смотрел русский фильм.

Логично, что и русские учёные самые лучшие. Когда Гагарин летал в космос, Нил Армстронг ещё игрался в песочнице. Русская подлодка сегодня может нырнуть в Чёрном море, а завтра вынырнуть в Венгрии.

Его страшно раздражают те, кто говорит, что в России нет свободы – он бы всех таких сослал в Сибирь. Никак простить себе не может, что однажды сказал России историческое «нет». Сегодня он ей ежедневно говорит «да», но Россия и слушать не хочет. Так ему и надо, неблагодарному. Говорит: «Хорошо бы нас русские в 68-ом оккупировали – мы бы сегодня были как Чехия».

На День Победы смотрит военный парад в Москве и плачет. Ждёт не дожждётся от «батюшки» получить самые современные виды вооружения, чтобы начать воевать с кем хочет. Каждый день ждёт почтальона и спрашивает, не прислала ли

ему Россия С-300, но почтальон говорит, что нет. Подозрителен ему тот почтальон – врёт, поди, натовский наймит...

Ему и в голову не придёт вводить санкции против России. Потому что и Россия никогда не вводила санкций против Сербии. Хорошо, даже если и вводила – значит, ей тогда никак нельзя было иначе. И чтоб знали – он бы уже завтра согласился, чтобы Сербия стала русской губернией, потому что нигде не может быть лучше, чем в материнских объятиях. «Нас и русских триста миллионов»...

Так говорит сербский русофил. А когда он говорит – его лучше не перебивать. Потому что сказать русофилу, что его Сербия его России ничуть не ближе прочих стран мира, что средний русский про него никогда и не слышал, а в межгосударственных отношениях нет любви, а есть только интересы – это слишком большой риск.

Больше, чем в русской рулетке.

Время

Дорогие мои,

Прежде, чем оказаться в некоей чужой стране, человеку первым делом стоило бы расспросить обо всех её особенностях, чтобы не впасть в тяжёлые и непредвиденные неприятности. Если бы я это знал перед тем, как прибыть в Сербию, жизнь моя была бы значительно легче и проще. Я бы намного быстрее привык к здешнему подсчёту времени, избавив себя от многих мучительных мгновений ожидания или спешки. Но мои сведения исчерпывались лишь тем фактом, что Сербия живёт по средневропейскому времени, и мне представлялось, что этого знания мне вполне достаточно.

Но где там! Оказалось, что в Сербии существует много временных определений, которые для остального мира не годятся, зато любого иностранца легко могут довести до крайнего отчаянья. Вот некоторые из них.

«На неделе» – временное определение, которое непосвящённого наводит на мысль, что его собеседник (обычно коллега по работе, мастер по ремонту бытовой техники, автослесарь и т.п.) увидится с ним уже в самый короткий срок, максимум до конца недели. Ошибочно! В действительности это означает, что другая сторона не имеет ничего против, чтобы и впрямь встретиться с вами, но эта встреча у неё даже близко не в приоритете, и сотрудничать вы начнёте только тогда, когда у неё не останется дел поумнее или поувлекательнее.

«Позвони на днях, попьём кофе!» – выражение, из которого непосвящённый заключает, что тот, кто его произнёс (обычно

его одноклассник, армейский кореш, коллега по прежней работе или любовь его юности), горит желанием встретиться с ним и в спокойной обстановке подробно и обстоятельно воскресить в памяти воспоминания о совместных днях. Заблуждение! Если, обманувшись, он и впрямь позовёт ту особу на кофе, то придёт к заключению, что это было не предложение, а просто вежливая фраза, и что до эмоциональной встречи дойдёт не скоро, а скорее всего и вообще не дойдёт.

«Через пять минут» – временное определение, которое вы можете слышать практически на каждом шагу: например, в больничном приёмном покое, а чаще всего – когда вызываете такси, ждёте поезд, запаздывающего приятеля или заказ в ресторане. На основе этой информации легковёрный иностранец легко может подумать, что дежурный врач и впрямь откуда-то через пять минут вернётся, или что ревностный таксист вовремя спасёт его от ливня, но... Но! Только ценою многих потерянных часов и нервов он поймёт, что в Сербии пять минут длятся намного дольше, чем где бы то ни было, и что во многих случаях это выражение – обычная замена слова «никогда».

«После праздника» – такое определение чаще всего слышится из окошек чиновников мэрии и прочих организаций, и в действительности означает, что никто точно не знает, когда ваш вопрос будет решён, так что лучше всего приготовьтесь к долгой борьбе с многочисленной бюрократией и государственными праздниками, которых здесь тоже тьма-тьмуца.

«Когда я не я буду» – такую формулировку в Сербии используют в основном замужние женщины, и то не все, а лишь самого злющего сорта. Мужья, которых не особо заботят их брачные обязанности, слишком задержавшиеся по пути с работы или забывшие годовщину брака, встречаются с ней всякий раз, когда спрашивают, когда будет выглажена их рубашка или приготовлено их любимое блюдо.

«Как пройдут выборы» – очень специфическое временное определение, которое одинаково тяжело понимают и

иностранцы, и местные, поскольку никто точно не знает, ни что оно в действительности означает, ни сколько оно продлится. Известно одно – любой, кто в Сербии желает сделать какое-либо дело перед выборами, может своё намерение сразу бросить коту под хвост, потому что в такое время здесь всё останавливается и замирает – частники впадают в гибернацию, а государственные чиновники притворяются мёртвыми. От кустика-сапожника и до председателя правительства никто и пальцем не шевельнёт – все сидят и ждут, что будет. Непосвящённому человеку может показаться, что сербы вместо выборов ожидают землетрясения, цунами, конца света или ещё какой большой катастрофы, только после которой и увидят, кто её переживёт и будет в состоянии что-нибудь делать.

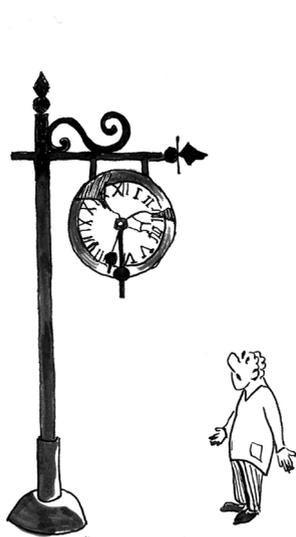
«До войны» и «после войны». Время в Сербии делится на предвоенное и послевоенное. Это разделение только с виду просто, ибо человек никогда точно не знает, о какой войне говорит его собеседник: войн в Сербии было сколько душе угодно, всех видов и сортов – локальных, мировых, гражданских, братоубийственных... Только завершится одна, как сразу начинается другая, так что иностранцу иногда кажется, что послевоенного времени здесь и вовсе нет – любое время на Балканах предвоенное!

«Не время» или, как вариант, «не ко времени» – с таким определением в Сербии встречается всякий, кто пытается что-нибудь изменить. Стоит ему публично выразить желание внести какое-нибудь, даже самое маленькое, новшество в здешнюю общественную, деловую или, не дай Бог, политическую жизнь – со всех сторон ему посоветуют потерпеть, потому что для этого сейчас не время. Поэтому бунтари, революционеры и забастовщики в этой стране никогда не могут рассчитывать на массовую поддержку – всякий сербский реформатор осуждён нести всю тяжесть и риск своих идей в одиночку. Сограждане, приятели и коллеги охотно бы ему помогли, если бы он свою битву за обновлённую Сербию начал

в какой-нибудь другой момент, а не вот сейчас, когда это не ко времени!

«Чуть морген», или по-сербски «чуть завтра» – это выражение сербы используют, когда упрямятся, а значит – весьма часто. Хотя на первый взгляд выражение определяет будущее время, в действительности всё совершенно наоборот. Сербов мало что так тянуло назад, как это самое «чуть завтра»!

Кстати, большинство уличных часов в Сербии не работает: они или отстают, или спешат, или вообще стоят сломанными. Сербы очень похожи на свои уличные часы.

Сербские газеты

Дорогие мои,

В Сербии выходит некоторое количество ежедневных газет. На сербском языке, кстати, газета называется «лист». Точное их число я не знаю, потому что со здешних киосков то и дело лист-другой да опадает. Некоторые газеты выходят на латинице, некоторые – на кириллице, а большинство – на кредиты. Одни раздаются бесплатно, другие – почти задаром, третьи продаются читателям, а четвёртые – кому достанутся.

Газеты в Сербии делятся на таблоидные и серьёзные. Проблема лишь в том, что их тяжело различить. Некоторые сербские газеты делаются по образцам европейского достоинства, другие – американского, а большинству до достоинства так и вовсе дела нет.

Обычных газет здесь не бывает, каждая по-своему исключительна: одна – самая старая, другая – самая авторитетная, у третьей – самый высокий тираж, четвёртая – самая европейская... Назвать владельцев здешних газет никто с уверенностью не может. Эти газеты словно внебрачные дети – поди угадай, кто им отец, а кто мать. Принято считать, что финансирование сербских газет ведётся из безымянных источников.

Как и везде на свете, в Сербии газеты редактируют редакционные коллегии. Разница только в том, что здесь редакторы сидят не в редакциях, а в политических партиях, в маркетинговых агентствах, в кабинетах министров и чинов тайной полиции, а то и в убежищах криминальных авторитетов. Есть, правда, случаи, что какие-то газеты и впрямь редактируют

редакторы, указанные в выходных данных, но это ещё нужно доказать. Если вспомнить поговорку, что политика – шлюха, то редакционная политика сербских медиа – её коллега.

Газеты в Сербии очень уважают своих читателей. Например, никогда не публикуют фельетоны, в которых больше десяти продолжений, поскольку не уверены, что смогут так долго выходить. Очень охотно, чуть ли не ежедневно, организуют игры с призами – читателям нужно только отлепить стикер, чтобы обрадоваться билету на спектакль или фильм, которых они иначе никогда бы не посмотрели.

Журналистом в Сербии может стать всякий, кто окончил факультет политологии, и всякий, кто его не окончил. Точнее – любой, кто знает пару слов и не может найти себе занятия поумнее. В журналистику здесь приходят из любопытства, а уходят от разочарования. Приходят с высокими идеалами, а уходят с высоким давлением. Впрочем, тот, кто выживет – будет писать.

В сербских редакциях больше нет машинисток, потому что теперь журналисты сами набирают свои тексты. По той же причине нет и цензоров – каждый журналист обучен цензурировать сам себя. Журналистские тексты в Сербии, как и в остальном мире, измеряются количеством знаков и их характером, только вот журналистского характера в них всё меньше...

Как и везде в мире, здесь в каждой газете есть свои колумнисты. Обычно это журналисты с позицией и мнением: позицию они перед главным редактором готовы принять такую, какую он скажет, а за мнением пойти туда, куда он пошлёт.

Сербские журналисты обожают заниматься расследованиями, хотя предмет их расследований с возрастом меняется: молодые журналисты расследуют, когда же им выплатят гонорары, а старых интересует, получают ли они выходное пособие. Ещё одна особенность сербских журналистов в том, что они не любят писать – как только опубликуют больше десятка

текстов, поселяются в кафанах и переходят на устную журналистику. Больше всего любят поговорить о том, как когда-то было лучше. В минуты вдохновения придумывают новые журналистские награды и вручают их друг другу. Здешний журналист, не получивший ни одной награды, – или абсолютный невежда, или абсолютный трезвенник.

В Сербии существуют два союза журналистов. Один независимый, а второй – ещё независимее. Оба больше всего независимы от своих членов. Вместо борьбы за права журналистов они борются за права аренды служебных помещений.

Вот так примерно обстоят дела с сербскими газетами.

Счастье ещё, что сербы больше всего любят читать между строк.

Хотя и там остаётся всё меньше того, что можно почитать.

